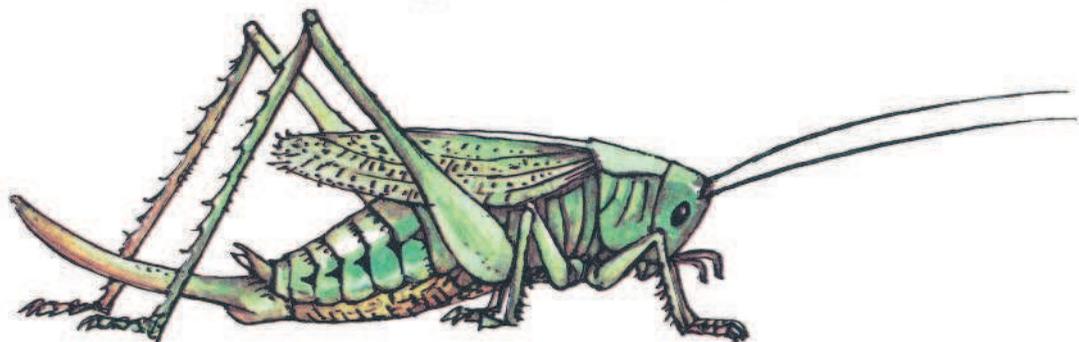

ЯН ЛАРРИ

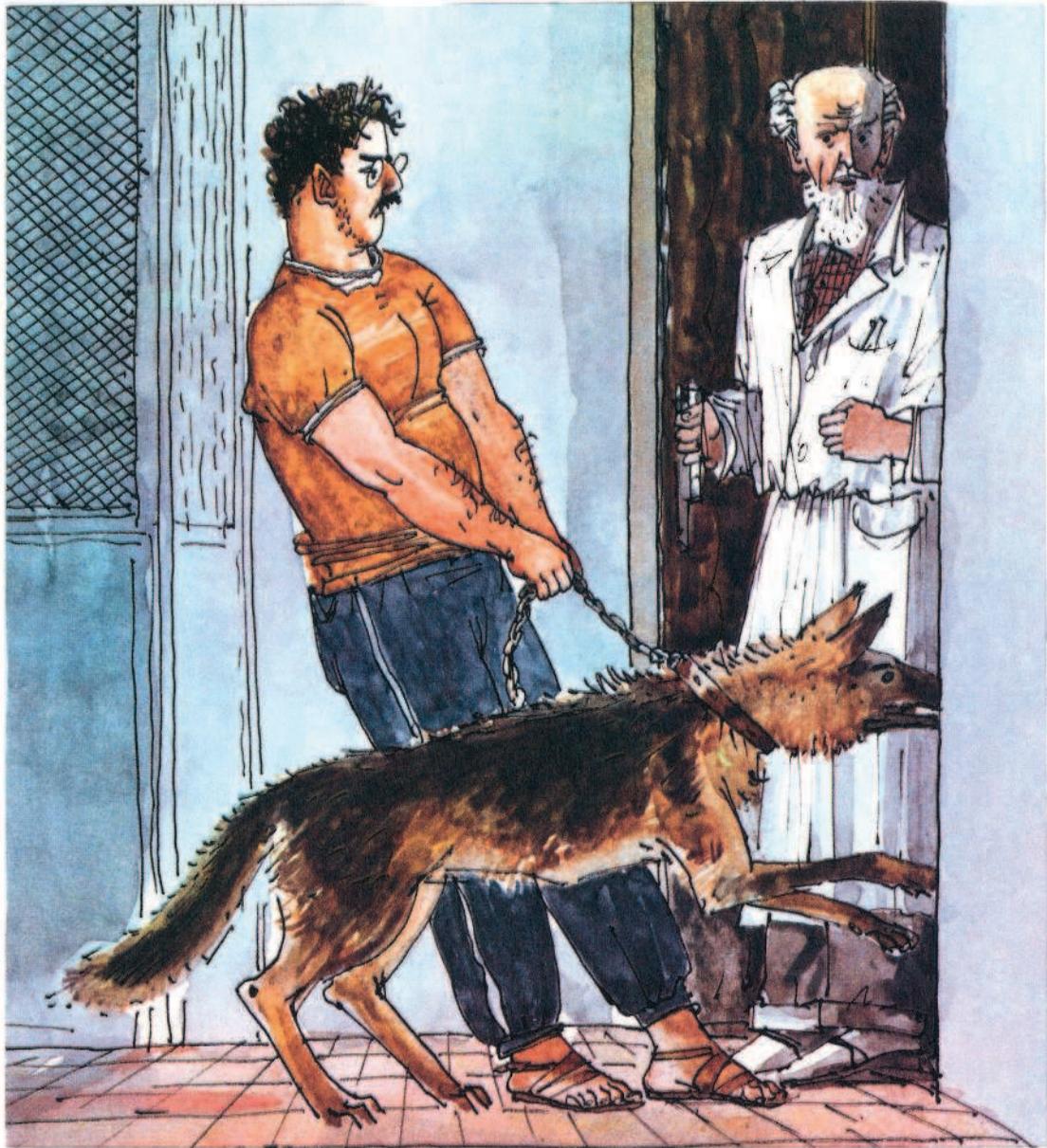
НЕОБЫКНОВЕННЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КАРИКА И ВАЛИ

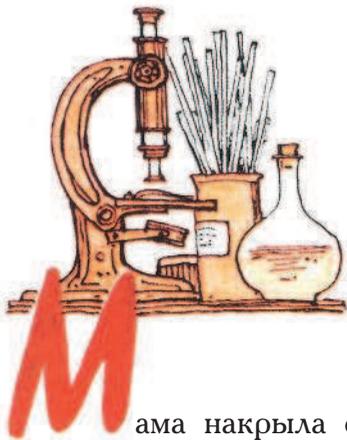

Рисунки А. Андреева

#эксмогемство

Москва
2018

ГЛАВА 1

*Неприятный разговор с бабушкой. —
Мама беспокоится. — Джек идёт
по горячим следам. — Странная находка
в кабинете профессора Енотова. —
Таинственное исчезновение Ивана Гермогеновича.*

Мама накрыла стол большой белой скатертью. Бабушка поставила на стол тарелки, положила ножи, ложки, вилки.

— Вот и обед, — сказала бабушка ворчливо, — а ребят всё нет и нет. И где они — ума не приложу... Вот раньше, когда я была маленькой...

— Ах, — сказала мама, — они даже не завтракали утром.

Она подошла к открытому окну, легла на подоконник и закричала:

— Карик! Валя!

— Ну как же, — заворчала бабушка, — спешат! Бегут сломя голову! Ты кричишь, а они, поди, в прыжки затяжные играют. Ты к обеду их ждёшь, а им, может, «Скорую помощь» нужно.

— Какие прыжки? Какую «Скорую помощь»? — испуганно спросила мама.

— А такую, — сказала бабушка. Она достала из кармана фартука клубок шерсти, вязальные спицы и недовязанный шерстяной чулок. Сияющие спицы засновали в её руках, вытягивая из клубка кручёную нитку. — А вот такую и помощь, — вздохнула бабушка, — такую Валерику позавчера вызывали.

— Какому Валерику?

— Какому же ещё... Один у нас во дворе баловник... Сынок управхоза! Он ведь что надумал! Достал где-то старый зонтик, устроил из него парашют и сиганул с балкона второго этажа на манер парашютиста.

— Ну и что?

— А ничего! Зацепился штанами за трубу и повис вниз головой. Так и висел полчаса, пока не приехала «Скорая помощь». Врач рассердился. Надо, говорит, пожарную команду вызывать в таких случаях, а не «Скорую помощь». Но, правда, всё-таки этого Валерика отцепили от трубы... Так что бы ты думала? Смеётся только. Я, говорит, рекорд поставил, сделал самый затяжной прыжок... Вот они теперь какие баловные!.. Когда я была маленькой...

— Ах, — сказала мама, — но где же они, в самом деле?..

— А то ещё Антей есть такой во дворе! Сначала метро строил с ребятами, потом подводную лодку изобрёл. Ну, ясно... Метро у них обвалилось, и всех засыпало землёй. Хорошо ещё дворник заметил вовремя и откопал их, а то бы все погибли. Так, ты думаешь, они угомонились? Как же! И ничуть даже! Сколотили из бочки и ящиков подводную лодку, и, конечно, все как один утонули бы, да, на их счастье, милиционер проходил мимо. Кое-как вытащил подводников, слава богу. Да только... Тьфу! — плюнула в сердцах бабушка. — Ведь ты подумай только, какие озорники: не успели даже обсохнуть, так тут же изобрели космический полёт. Берёзу пригнут к земле, уцепятся двое, а все остальные...

— Нет, нет, — замахала руками мама, — не надо! Не хочу я этого слышать!

Она снова подошла к окну и закричала:

— Карик! Валя!

— Когда я была маленькой... — сказала бабушка.

Мама махнула рукой и, не слушая бабушку, легла на подоконник.

— Ка-ари-ик! Ва-аля! Обе-е-едать!

Во дворе мяукнула кошка.

— Я так и знала, — сказала бабушка, — я так и знала.

— Карик! Валя! — снова крикнула мама, потом быстро повернулась к бабушке и спросила: — Они вам не сказали, куда идут?

Бабушка сердито пожевала губами.

— Когда я была маленькой, — сказала она, — я всегда говорила, куда иду, а теперь ребята что хотят, то и делают. Хотят — на Северный полюс едут, а то и на Южный... Или, например, передавали недавно по радио...

— Что, что передавали? — поспешно спросила мама.

— А ничего! Утонул какой-то мальчик! То и передавали.

Мама вздрогнула.

— Ну, — сказала она, — это... это вздор! Карик и Валя не пойдут купаться!

— Не знаю, не знаю, — покачала головой бабушка, — купаются они или не купаются, не скажу, а только давно пора обедать, а их всё нет и нет. Где они? Утром убежали, не позавтракав даже.

Мама провела ладонью по лицу. Не говоря ни слова, она быстро вышла из столовой.

— Когда я была маленькой... — вздохнула бабушка. Но что делала бабушка, когда была маленькой, мама так и не узнала: она уже стояла посреди двора и, щуря глаза от солнца, оглядывалась по сторонам.

Посреди двора, на жёлтой песочной горке, лежал зелёный совочек Вали, рядом валялась выцветшая тюбетейка Карика. И тут же, вытянув все четыре ноги, грелся на солнышке рыжий толстый кот Анята. Он лениво жмурился и так вытягивал ноги, словно хотел подарить их маме.

— Где же они, Анята?

Кот сладко зевнул, взглянул на маму одним глазом и перевернулся лениво на спину.

— Ну куда же, куда они делись? — бормотала мама. Она прошлась по двору, заглянула в прачечную и даже посмотрела в тёмные окна подвала, где лежали дрова.

Ребят нигде не было.

— Ка-ари-ик! — ещё раз крикнула мама.

Никто не отозвался.

— Ва-а-аля! — закричала мама.

«Ав-ав-гав-гав-гау-у!» — взвыло где-то совсем рядом. В боковом подъезде сильно хлопнула дверь. Во двор, волоча за собой гремящую цепь, выскочила большая остромордая собака овчарка.

Жирный кот Анюта одним прыжком взлетел на поленницу дров.

«Тссс! — зашипел он, поднимая лапу. — Прош-ш-шу не ш-ш-шу-уметь!»

Собака гавкнула сердито на Анюту, с разгона взлетела на горку и стала кататься по песку, поднимая густые столбы пыли, потом вскочила, отряхнулась и с громким лаем бросилась на маму. Мама отскочила в сторону.

— Назад! Нельзя! Пошёл прочь! — замахала она руками.

— Джек! Тубо! К ноге! — раздался из подъезда громкий голос.

Во двор вышел, переваливаясь, толстый человек в сандалиях на босу ногу, с дымящейся папиросой в руке. Это был жилец четвёртого этажа — фотограф Шмидт.

— Ты это что же, Джек? А? — спросил толстяк строго и погрозил толстым пальцем.

Джек виновато вильнул хвостом.

— Экий дурень! — засмеялся фотограф.

Притворно зевая, Джек подошёл к хозяину, присел и, звеня цепью, старательно почесал задней лапой шею.

— Хорошая погодка сегодня, — приветливо улыбнулся толстяк, обращаясь к маме. — Вы не собираетесь на дачу? Самое время теперь — грибки собирать, рыбу ловить.

Мама взглянула на толстяка, на собаку и недовольно сказала:

— Опять вы её, товарищ Шмидт, без намордника выпустили. Ведь она же у вас настоящий волк. Так и смотрит, как бы кого цапнуть.

— Это вы про Джека? — удивился толстяк. — Ну что вы! Мой Джек и ребёнка не тронет. Он же смирный, как голубь. Хотите погладить его?

Мама махнула рукой.

— Ну вот, только и дел у меня, что собак гладить. Дома обед стынет, в комнатах ещё не прибрано, а тут ещё ребят дозваться никак не могу...

И куда пропали — не понимаю. Ка-а-арик! Ва-а-аля! — снова закричала она.

— А вы приласкайте Джека, попросите хорошенько его. Скажите ему: «Ну-ка, Джек, разыщи поскорее Карика и Валю». Он их мигом найдёт.

Шмидт наклонился к собаке, потрепал её по шее.

— Найдёшь, Джек?

Джек тихонько взвизгнул и, неожиданно подпрыгнув, лизнул фотографа в губы. Толстяк отшатнулся, брезгливо плюнул и вытер губы рукавом.

Мама засмеялась.

— Напрасно смеётесь, — важно сказал Шмидт, — это же собака-ищейка. Она идёт по следам человека, как паровоз по рельсам. Хотите докажу?

— Я верю вам, — сказала мама, — верю без доказательств.

— Нет-нет, позвольте, — заволновался толстяк, — уж если я говорю — значит, так оно и есть. Ну-ка, дайте какую-нибудь вещь Карика или Вали... Игрушку... Рубашку... Тюбетейку... всё равно что.

Мама пожала плечами, но всё же нагнулась, подняла тюбетейку и протянула её Шмидту.

— Прекрасно! Замечательно! Очень хорошо! — сказал толстяк и сунул собаке под нос тюбетейку Карика.

— Ну-ка, Джек, — произнёс он громко, — покажи, как ты работаешь! Ищи! Ищи, собачка!

Джек взвизгнул, пригнул голову к самой земле и, вытянув хвост, побежал по двору широкими кругами.

За ним бодро мчался фотограф.

Добежав до поленницы дров, Джек остановился и вдруг, подпрыгнув, встал на задние лапы, а передние положил на поленницу. Нос Джека очутился перед самой мордой кота Анюты.

«Р-р-ра-аз-зо-ор-р-р-ву!» — зарычал Джек.

Кот вскочил, изогнулся в дугу и, сверкнув зелёными глазами, зашипел как змея: «Меня? Ш-ш-шалиш-ш-шь!»

Джек попытался схватить его за хвост. Кот ощерился и закатил Джеку такую оплеуху, что бедный пёс завизжал от боли и от досады, но тотчас же оправился и с громким лаем снова кинулся на Анюту. Кот зашипел ещё громче, поднял лапу и закричал на своём кошачьем языке: «Пош-ш-ш-шёл вон! Заш-ш-ш-ш-шибу!»

— Ну-ну, довольно, Джек, — сказал сердито фотограф. — Не отвлекаться! — И он так сильно натянул поводок, что собака присела на задние лапы. — А теперь ищи!

Сердито твякнув на кота, Джек побежал дальше. Он обежал весь двор, остановился у водосточной трубы и, шумно втягивая ноздрями воздух, посмотрел на хозяина.

— Понятно! Всё понятно, Джек! — кивнул головой фотограф. — Ты хочешь сказать, что они сидели тут и, наверно, играли с Анютой? Прекрасно! Но куда же они пошли отсюда? Надо искать, Джек! Ну? Ищи, ищи, собачка!

Джек заюлил, завертелся волчком, поскрёб лапами землю под трубой, потом с громким лаем помчался к парадному подъезду.

— Ага, ага — вы видите? — крикнул Шмидт. — Он уже напал на след.

Шаркая сандалиями, фотограф вприпрыжку побежал за собакой.

— Если вы найдёте ребят, пошлите их домой! — крикнула мама и направилась через двор к воротам.

«Наверное, они в соседнем дворе», — подумала она и, уже не обращая внимания на Джека и его хозяина, вышла за ворота дома.

* * *

Натягивая с силой цепочку, Джек тащил толстяка по лестнице вверх.

— Тише, тише! — пыхтел толстяк, еле поспевая за собакой. На площадке пятого этажа Джек на секунду остановился, взглянул на хозяина, потом, от-

рывисто твякая, бросился к дверям, обитым клеёнкой и войлоком. На дверях висела белая эмалированная табличка с надписью:

ПРОФЕССОР ИВАН ГЕРМОГЕНОВИЧ ЕНОТОВ

Пониже была приколата записка:

⊙ *Звонок не действует. Прошу стучать.* ⊙

Джек с визгом подпрыгивал, царапал когтями клеёчатую обивку двери. — Тубо, Джек! — крикнул толстяк. — Тут просят стучать, а не визжать. Фотограф Шмидт пригладил ладонью причёску, обстоятельно вытер платком потное лицо, потом согнутым пальцем осторожно постучал в дверь.

За дверью послышались шаркающие шаги.

Щёлкнул замок.

Дверь приотворилась. В щели показалось лицо с мохнатыми седыми бровями и жёлто-белой бородой.

— Вы ко мне?

— Простите, профессор, — смущённо сказал фотограф, — я только хотел спросить вас...

Но не успел толстяк договорить, как Джек вырвал из его рук поводок и, чуть не сбив профессора с ног, бросился в квартиру.

— Назад! Джек! Тубо! — закричал Шмидт.

А Джек уже громыхал цепью где-то в конце коридора.

— Извините, профессор, Джек так молод... Разрешите войти. Я сейчас же уведу его обратно.

— Да-да... Конечно, — рассеянно сказал профессор, пропуская в квартиру Шмидта, — войдите, пожалуйста! Надеюсь, ваша собака не кусается?

— Очень редко! — успокоил профессора Шмидт.

Фотограф переступил порог. Закрыв за собой дверь, он сказал негромко:

— Тысяча извинений! Я на одну минутку... У вас, товарищ профессор, должны быть ребята... Карик и Валя! Со второго этажа...

— Позвольте, позвольте... Карик и Валя? Ну да! Конечно. Прекрасно знаю. Очень славные ребята. Вежливые, любознательные...

— Они у вас?

— Нет! Сегодня их не было у меня.

— Странно! — пробормотал толстяк. — Джек так уверенно шёл по следу...

— А может быть, это вчерашний след? — вежливо спросил профессор.

Но Шмидт не успел ответить. В дальней комнате звонко залаял Джек, и тотчас же что-то загремело, задребезжало и зазвенело, как будто на пол упал шкаф или стол с посудой. Профессор вздрогнул.

— Да ведь она там перебьёт всё! — закричал он плачущим голосом и, схватив Шмидта за рукав, потащил его за собой по тёмному коридору. — Сюда! Сюда! — бормотал он, толкая дверь.

Как только профессор и фотограф переступили порог комнаты, Джек кинулся хозяину на грудь, взвизгнул и с лаем бросился назад.

Он носился по комнате, волоча за собой цепочку, обнюхивал книжные шкафы, вскакивал на кожаные кресла, вертелся под столом, бестолково бросался из стороны в сторону. На столе звенели, подпрыгивая, колбы и реторты, качались высокие прозрачные стаканы, дрожали тонкие стеклянные трубочки.

От сильного толчка качнулся, сверкнув на солнце, микроскоп.

Профессор еле успел подхватить его. Но, спасая микроскоп, зацепил рукавом сияющие никелем чашечки каких-то сложных весов. Чашечки упали, подпрыгнули и со звоном покатались по жёлтому паркетному полу.

— Что же ты, Джек, — громко сказал фотограф, — оскандалился? Лашь, а зря. Ну? Где же ребята?..

Джек склонил голову набок. Насторожив уши, он внимательно смотрел на хозяина, стараясь понять, за что же его ругают.

— Стыдно, Джек, — неодобрительно покачал головой фотограф, — а ещё, говорят, ищейка! С дипломом! За кошками тебе гоняться, а не по следу идти! Ну, пошли домой! Извините великодушно, товарищ профессор, за беспокойство!

Фотограф неловко поклонился и шагнул было к двери. Но тут Джек словно взбесился. Он схватил своего хозяина зубами за брюки и, упираясь лапами в скользкий паркетный пол, потащил к столу.

— Да что с тобой? — удивился толстяк.

Повизгивая, Джек принялся бегать вокруг стола, а потом прыгнул на диванчик, который стоял перед открытым окном.

Положив лапы на подоконник, он коротко, отрывисто залаял.

Шмидт рассердился.

— Тубо! К ноге! — закричал он, хватая собаку за ошейник, но Джек упрямо мотнул головой и снова бросился к дивану.

— Ничего не понимаю! — развёл руками фотограф.

— Наверное, мышь за диваном! — попробовал догадаться профессор. — А может, корка хлеба или кость? Я ведь часто и обедаю тут. — Он подошёл к дивану и отодвинул его от стены.

За спинкой дивана что-то зашуршало и мягко шлёпнулось на пол.

— Корка! — сказал профессор.

Джек рванулся вперёд. Он протиснулся между стеной и отодвинутым диваном, завертел хвостом и, кажется, схватил что-то зубами.

— А ну, что там у тебя? Покажи! — крикнул фотограф.

Джек попятился, мотнул головой, круто повернулся к хозяину и положил к его ногам детскую стоптанную сандалию.

Фотограф растерянно повертел находку в руках.

— Кажется, детская обувь, так сказать...

— Гм... Странно, — сказал профессор, разглядывая сандалию, — очень странно!

Пока они вертели в руках находку, Джек вытащил из-за дивана ещё три сандали: одну такую же и две поменьше.

Ничего не понимая, профессор и толстяк смотрели то друг на друга, то на сандалии. Шмидт постучал согнутым пальцем по твёрдой подошве одной сандалии и неизвестно для чего сказал:

— Крепкие! Хорошие сандалии!

А Джек между тем вытащил из-за дивана синие трусики, потом ещё трусики и, прижав их лапой к полу, негромко тявкнул.

— Это ещё что такое? — совсем уже растерялся профессор.

Он нагнулся и протянул было к трусикам руку, но Джек, оскалив зубы, так зарычал, что профессор поспешно отдернул руку.

— Какой у него, однако, неприятный характер! — смущённо сказал профессор.

— Да, он у меня не очень вежливый! — согласился фотограф.

Он взял трусики, встряхнул их и, аккуратно сложив, передал профессору:

— Прошу!

Профессор покосился на Джека.

— Нет-нет, не надо, — сказал он, — я и так всё вижу... Ну да... Ну да... Вот и метки. «В» и «К» — Валя и Карик! — И он потрогал пальцем белые буквы, вышитые на поясах трусиков.

Толстяк вытер ладонью потное лицо.

— Ванна в квартире есть? — деловито спросил он.

— Нет, — сказал профессор, — ванны нет! Но если вам нужно вымыть руки, то...

— Да нет, — запыхтел толстяк, — вымыться я и дома могу. Я думал, что они разделись и купаются в ванне. Понятно?

— Да, конечно, — кивнул головой профессор.

— Ну, куда же они делись? Голые... Без трусиков... Без сандалий? Ничего не понимаю! — развёл руками Шмидт.

Он широко расставил ноги, заложил руки за спину и, опустив голову, долго смотрел на жёлтые квадратики паркета, потом выпрямился и сказал уверенно:

— Ничего! Мы их сейчас найдём. Они здесь, профессор! Они просто прячутся! Будьте уверены! Мой Джек никогда не ошибается.

Профессор и фотограф обошли все комнаты, заглянули на кухню и даже осмотрели тёмный чулан.

Джек уныло плёлся за ними.

В столовой толстяк открыл дверцы буфета, сунул голову под стол, а в спальне пошарил руками под кроватью. Но ребят в квартире не было.

— Куда же они спрятались? — бормотал фотограф.

— А по-моему, — сказал профессор, — они не приходили сегодня.

— Вы думаете? — задумчиво переспросил Шмидт. — Думаете, что их не было? А ты как думаешь, Джек? Здесь они или нет?

Джек твякнул.

— Здесь?

Джек твякнул ещё раз.

— Ну так ищи! Ищи, собачка!

Джек сразу повеселел. Он бросился назад и снова привёл профессора и Шмидта в кабинет. Тут он опять прыгнул на подоконник и стал громко лаять и визжать, точно уверяя своего хозяина, что ребята ушли из квартиры через окно.

Шмидт рассердился.

— Ну и балбес, ну и щенок! Уж не думаешь ли ты, что ребята спрыгнули во двор с пятого этажа? Или, может быть, улетели, как мухи или стрекозы?

— Что? — вздохнул профессор. — Улетели? Какая стрекоза?

Фотограф улыбнулся.

— Да вот мой Джек так думает!

Профессор схватился руками за голову.

— Какой ужас! — прошептал он.

— Что с вами? Выпейте воды! Вы так побледнели.

Он шагнул было к столу, на котором стоял графин с водой, но тут профессор так закричал, будто наступил босыми ногами на раскалённое железо:

— Стоп! Стоп! Стойте!